

* * *

Пойдём в мой край,
В поля, в луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на "ты"
С любимым ручьём и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.
Пойдём в мой край,
Где первоцветы вешние
Весною по-особому цветут.
Тут сказки ты узнаешь
Только здешние,
"Матаню" нашу встретишь
Только тут.
В слух превратишься,
Наши песни слушая.
У нас такой в округе чернозём,
Что даже трактор
За рекою Зушею
На пашне светлым выглядит пятном.
А наша тройка-птица!
Не отсюда ли
Она впервые начала свой бег?!
Эх, рысаки мои!
В них столько удали,
Что славы хватит им на долгий век.
Тропинками извилистыми, узкими
Пойдём туда, где земляки мои,
Где по соседству
С соловьями курскими
Поют не хуже
Наши соловьи.
Пойдём в мой край.
Я покажу село моё.
В нём мило всё, хоть бедно до поры:
Простые хаты, крытые содомою,
Коровий рёв и песни детворы...
...Весна. Сугробы снега за калитками,
А по откосам рыжим, у воды
Проталины подснежниками вытканы,
-Последний снег
И первые цветы!
...Дни первоцветья - дни невыразимые.
Их нужно видеть, слышать. Что слова?
Пух тополей плывёт, цветут озимые,
Кричат стрижи и дремлет сон-трава.
...А бабье лето с тихою прохладой,
Со вспыхнувшими шапками берёз,
Над плёсом листья кружатся
И, падая,
Как будто искры, поджигают плёс.
...Зимой у нас - что в русской сказке.
Где ещё
На свете есть подобная зима?
Представь - летящий снег и дуб седеющий.
Да это же поэзия сама!
Пойдём в мой край,
В поля, в луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на "ты"
С любимым ручьём и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.

ОДА РОДНОМУ КРАЮ

О край мой срединный - луга да поля,
С черёмухой, с песней и с тыщей забот,
Где если земля,
То такая земля,
Что стержень железный - и тот прорастёт.
О край мой отцовский над русской рекой,
Я счастлив - родиться мне здесь довелось,
Где если уж ливень,
То ливень такой,
Что, кажется, землю промочит насквозь.
Иду я полями - навстречу встаёт
Как будто из солнца отлитая рожь,
А дальше мой лес,
Где иди целый год,
Иди целый век - и его не пройдёшь.
А песни, а сколько богатых невест,
И в меру красивы, и нет их верней.
Встречать бы парней,
Что вздыхают окрест,
Да много своих неженатых парней.
И пусть перерыв не проходит без ляс,
Возьмется за дело - и тут их не тронь.
А если уж девушка
Пустится в пляс,
Её каблук высекают огонь.
А если уж дед - ему семьдесят лет!
-Но как не посметь от старухи тайком
Моргнуть молодухе
-Ну чем он не дед! -
Да той молодухе, что кровь с молоком!
С друзьями встречаюсь то там я, то тут,
Их плечи круты, как обрыв-берега,
А если уж руки,
То руки, что гнут
Тележные шкворни в бараньи рога.
Случись непогода - готовы помочь,
Из города ты или ты из села.
У сердца такого
И солнце не прочь
Занять для себя доброты и тепла.
О парне в спецовке, о старце седом
Иначе я в жизни сказать не могу:
Из солнца и воздуха
Выстроит дом,
Коня-рысака подкуёт на бегу.
Он любит ракиты над венами рек,
Он с каждой земною травинкой знаком,
И если уж ступит
На Марс человек,
Я верю: он будет моим земляком.
Мой друг напоказ не гордится судьбой,
Порой то одно, то другое не влать,
Но если уж битва,
То сердцем любой
Заслонит родную Советскую власть.

БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ

Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.
Раздался в плечах он, шире стал,
В охапку берёт рассвет.
На веру ему - четыреста,
На взгляд - восемнадцать лет.
Под вздох топора горячего,

Под посвист чужой стрелы
Услышали детский плач его
Впервой на яру орлы.
Ещё он едва утра достиг,
Далёкий от ждущих дел,
Сам Грозный, смеясь от радости,
Младенцу в глаза глядел.
Глядел, причитая, окая,
На гребне крутого рва:
Живи, чтоб Москва далёкая
Надёжней была жива.
Встань, руки расставь, чтоб вороги
Не смели нести разбой
В пределы Руси, что дороги
Песчинкой своей любой.
Вся сила твоя в народе, чей
Прикрой сине-край крылом,
Недаром веленьем родичей
Тебя нарекли Орлом...
Над ярью лесной, сутулою
Он рос и таил мечту:
Пойти на свиданье с Тулою
И с Брянском сыграть в лапту.
В ночи налетали вороны,
Ползли среди дня ужи,
А он на четыре стороны
Глядел, не сходя с межи.
Мужал он, и шли столетия,
И недруги шли опять,
И злобу к его земле тая,
Катились с позором вспять.
А он, похудев от голода,
От горя и сед и стар,
Вставал на руинах молодо,
Отважней, чем в дни татар.
Но новая банда хитрая
С закатом торила путь,
Грабители Лжедмитрия
Хватали его за грудь.
В карманах разбойно шарили,
Бросали в разгул огней,
А он - не в лихом пожаре ли! -
Мужал, становясь сильнее...
Фашисты путями торными
Шли к юноше напролом,
Одежда кусками чёрными
Отваливалась на нём...
Но раны опять залечены,
Опять закипел рассвет,
И краше, чем до неметчины,
В одежду свою одет.
Ока под ногами вспенена
Дыханьем его степным,
И красное знамя Ленина
Шумит на ветру над ним.
Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.

БЕЖИН ЛУГ

Далеко -
За Неручью и Зушею -
У костра друзья мои в кругу.
Глядя в небо,
Я лежу и слушаю

Голоса на Бежином лугу.
Говорят друзья, ничуть не хвастая,
Строги и серьёзные голоса.
И такие речи их
Цветастые,
Речи, как ночные небеса.
Говорят про сказки-привидения,
Про Кощея с Бабою-Ягой,
Про Луну,
Которая с рождения
Не была довольною такой.
Не хватало солнечного света ей,
А теперь, ясна и горяча,
Двигается,
Как будто бы одетая
В полушубок с русского плеча.
Вспоминают солнце...
Вечно с ним была,
Что птенец у птицы под крылом,
Нынче ж согревает
Пламя Вымпела
Лунные "моря" земным теплом.
Говорят про то, как руки синие
Небосвод над ними распростёр.
Сыплет звёзды, звёзды негасимые
В разнотравье росное,
В костёр...
Звёзды, звёзды...
Падают и светятся...
Их, звенящих, - глаз не отвести! -
Небосвод ковшом Большой Медведицы
Черпает из Млечного Пути.
Будет утро с шумами весёлыми,
И друзья увидят, как вокруг
В жар-цветы, в сиреневое полымя
Превращает звёзды
Бежин луг.
Звуки, звуки...
Резкие и длинные,
Вы околдовали всех ребят.
Это нет, не песни соловьиные
И не коростели дробь дробят.
Мол, не обошёл ещё полмира я,
Только эти звуки мне близки:
Орион склоняется
Над Лирою,
И Стожары жмут на каблуки.
Пляшет Марс, поёт Венера.
Близкого -
Ближе и роднее не найти -
В гости ждут
Землянина российского,
Что от них уже на полпути.
Ах, друзья,
Навечно вам подарены
Небеса во весь свой гордый рост.
У костра сидят
Мои Гагарины
В галстуках,
Что сотканы из звёзд.

РУССКИЙ БРОД

Над рекой, где в округе
Луга да сады,
Берега в чернобылье,
Как плечи крутые.

Обернувшись камнями,
Лежат у воды
Косоглазые воины
Хана Батья.
Как ремнём,
Кругояр опоясан тропой,
Как в столетья,
Спускаюсь я к древнему броду.
Пой призывно,
Труба воеводская, пой, -
Тихо пращурь входят
В студёную воду.
Острота у воды и у копий одна.
На кольчугу похожа,
От ветра рябая.
Только как бы она
Ни была холодна,
Не потопит, не смочит -
Своя, не чужая...
Не дождавшись гонца,
Под навесом шатра
Спит Батый в отдаленье,
Как в маленьком храме.
Тризну русичи правят
Всю ночь у костра,
И не знает Батый,
Что беда с нукерами...
Подо мною внизу
Закипает река,
Где седой и красивой
Легенды начало.
Паровозный гудок!
Это он сквозь века
Подавал голос трубе,
Что призывно звучала.
Ребятишки, штаны
До колен засучив,
Мокнут днями на отмели
В схватке неравной.
И заводят девчата
Знакомый мотив,
Выходя к кругояру
С моей Ярославной.
Русский Брод!
Моя тихая станция...
Нет, тут не так уж по-русски
Богата природа.
Только, где б я ни жил,
Покупая билет,
Повторяю с волнением:
- До Русского Брода.

КАСЬЯН С КРАСИВОЙ МЕЧИ
На юру, над Красивою Мечею,
Где в яругах петляет река,
Как приду, обязательно встречу я
Лет семидесяти старика.
На заре, поутру, на закате ли,
С детства видеть его я привык.
Говорили мы с ним, как приятели,
Как погодки, - малыш и старик.
Ах, Красивая Меча!
То сузится,
То раздвинет опять берега.
А над ней - прокопчённая кузница,
Что Касьяну, как дочь, дорога.

Лом железный у выхода грудюю.
А Касьян...
Не расстанешься с ним:
Он над плугом, клещами орудуя,
Наклонился, как врач над больным.
Так паши, чтобы знали: у пахаря
Не рогатина и не соха, -
И лопатки его под рубахою
Ходят грузно, как два лемеха.
Руки... Им удивляюсь всё чаще я:
Вот с такими возил бы возы.
А глаза, исподлобья смотрящие,
Может быть, не роняли слезы.
Замолчу, загрущу ли немножко я,
Запоёт он весёлый мотив
И затянется "козьёю ножкою",
Полгазеты районной скрутив.
А когда запылённой дорогою
Плуг уйдёт за деревню пахать,
Вслед посмотрит он, бороду трогая,
И вернётся к горнилу опять.
Ах, Красивая Меча!
То сузится,
То раздвинет свои берега.
Он выходит со мною из кузницы
Посмотреть, как бушует пурга.
Как дымится она за воротами
Над черёмухой в майском лугу.
Что-то мы не торопимся, что-то мы
Долго-долго глядим на пургу.
Несказанным волнением охваченный,
Сделать шага он больше не мог:
На ладони, изъеденной ржавчиной,
Он держал, не дыша, лепесток.
Может, вспомнил он давнее прошлое,
Может, только что собранный плуг, -
На ладони, что схожа с подошвою,
Нёс он каплю весны через луг.
А за лугом - в долине ли, выше ли,
На сугоре крутом, у села, -
Мы знакомую
Песню слышали,
Что на крыльях тумана плыла.
Беспокойная, девичья, грустная,
Над простором, седым от росы...
Шёл старик молчаливый, не чувствуя,
Как от слёз загорались усы.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Зайдешь к нам в деревню и скажешь:
Все близкие,
Далёких по крови в ней нет никого.
Какая бы хата ни встретилась -
Блынские.
Да что это -
Дети отца одного?
Сквозь годы карабкаясь
Тропкою узкою,
Я путь родословной своей узнаю.
Опять же, фамилия наша нерусская,
Откуда взялась она в русском краю?
Здесь деды и прадеды жали и сеяли,
Без выезда жили в срединной Руси.
Имея ли хлеба кусок, не имея ли,
Тянулись к Христу: "Сохрани и спаси".
А он им - то зной вместо дождика спорого,

А он им - то град вместо солнца пошлёт,
А он им — помещика,
После которого
В сусеках сметали мышинный помёт.
И снова с извечным:
"О господи, выручи,
Избавь от сумы в середине зимы". -
"А чьи ж вы, крестьяне?" -
"Адам Казимирыча",
"Адам Казимирыча Блынского мы..."
И, хмурые, глухо роптали на барина,
Всё чаще в кругу толковали о том,
Что господом Богом
Земля им подарена,
Что сеют, а ходят
С пустым животом.
Горел в их глазах
Огонёк нетерпения.
Скрывал до поры его каждый с трудом,
Пока он не вспыхнул на праздник Успения
Пожаром,
Обнявшим адамовский дом...
С тех пор, хоть в указах о том не указано,
Прозвали фамилией барской крестьян.
И тот, кто носил её, с ним была связана
Презренная кличка -
Бунтарь и смутьян.
... Запоротых до смерти,
Вижу их, словно я
Стою у раскрытых в столетья дверей,
Стою и горжусь, что моя родословная
Идёт от орловских крестьян-бунтарей.

* * *

В грубые передники одеты -
У кого в деревне ни спроси, -
Вечно мои прадеды и деды
Плотниками были на Руси.
Не на них ли с малолетства глядя,
В руки брали сыновья топор.
Потому и мастерами дяди
Значатся в округе до сих пор.
Сколько обтесал отец мой брёвен!
Вот они встают передо мной:
Друг за другом положить их вровень -
Был бы опоясан шар земной.
На земле стоят дома и хаты.
Где б я ни был, я как дома в них:
Может, здесь стучал топор когда-то
Одного из родичей моих.
Разве мы когда-нибудь забудем
То, чем родословная жила,
Коль несли крупицу счастья людям
Вздых пилы и поворот сверла.
Пусть пора иная наступила,
Век электропил, - твоя пора!
Только родились электропилы
От простой пилы и топора.

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ РУЧЕЙ

Дон наш батюшка,
Дон могучий,
Силу откуда берёшь великую?
Старинная казачья песня

- Здорово, Дон!

Я вновь на берегу.
В который раз шепчу:
- Здорово, Дон!
Сады станиц, что кажутся в снегу,
В весенних водах отражает он.
Я всякий раз, когда над ним стою,
Припоминаю
Маленький ручей,
Без имени,
Без прозвища,
Ничей,
Затерянный в лугах, в моём краю.
Он дорог мне, как песня,
До поры
Забытая, а вспомнишь - запоёшь,
И встанут пионерские костры
И девочка, бегущая с горы,
И встреча с ней,
И день, что так хорош.
Родившись из весёлого ключа,
Между бугров он кольца вьёт журча.
То в лозняке теряется,
То вдруг
На солнце греться выбежит на луг.
Я так им горд,
Хоть в виде запятой
Он значится на карте областной.
С ним связано всё детство.
Над ручьём
Впервые музыку услышал я:
Свистела иволга
Перед дождём,
Вплетая свист
В журчание ручья.
Увидел, как на синем полотне
Он вывел облака, меня и мать.
С тех пор, наверно, захотелось мне
Вот так же научиться рисовать.
Я так обязан моему ручью,
Где в первый раз у моста -
Глубина! -
Поплыл я, пальцами касаясь дна,
И вдруг -
Плыву и дна не достаю.
К нему впервые я коньки принёс:
"Пока на лёд не встану - не уйду".
И, накатавшись на боку до слёз,
Смеясь от радости,
Я встал на льду.
Жил у ручья и мой отец, и дед,
И прадед, и прапрадеды отца.
И я завидовал, что столько лет
Журчит ручей
И жизни нет конца.
...Здорово, Дон!
Я вновь на берегу.
В который раз шепчу:
- Здорово, Дон!
Сады станиц, что кажутся в снегу,
В весенних водах отражает он.
Я вдаль смотрю, в задонские края -
Текут ручьи...
И всех не перечесать.
И счастлив я, что в водах Дона есть
Глоток воды
Из моего ручья.

ПОЮТ РАКИТЫ

Я посадил ракиту перед хатой
В одну из вёсен юности моей.
Она была по пояс мне когда-то,
И вот сегодня
Я по пояс ей.
Зимой тиха,
Она вздохнуть боится.
Когда ж апрельскую наденет шаль,
Вперёд подастся грудью, как певица,
И запоёт над хатой,
Глядя вдаль...
Я эту песню слышу не впервые,
Всегда напоминает мне она
О том, что к нам,
В зелёную Россию,
Пришла голубоглазая весна.
Пуškai ещё метели не забыты, -
Из края в край в родимой стороне
Под музыку ветров
Поют ракиты
По-русски,
С грустью,
Песню о весне.

* * *

Утром пчёлы за медами дивными
Улетают из пчелиных рам,
А по тихим сельским вечерам
Хлещут ливни звёздные над Ливнами.
Яблоко - тяжёл и грузен сад -
Упади - и тишина расколется,
А в саду, на брёвнах, у околицы -
Старики, как двести лет назад.
Вяжут в узел разговора пёстро
Нужные, отборные слова,
Сравнивая праздник Рождества
С гибелью неведомого острова.
Говорят о слове "рождество",
Словно о своём о дне рождения,
Всё живое, доброе, весеннее
Вкладывая истинно в него.
Никогда вовеки, где бы ни были,
Не слышали, чтобы наяву
Люди применяли к "рождеству"
Смысл огня кромешного и гибели.
О далёкий остров Рождества
Посредине океана Тихого,
Где сплетеньям молний даже вспыхивать
Не могла позволить синева!
Синева безоблачного купола
И воды безбрежной синева.
О далёкий остров Рождества,
Атомная смерть тебя нащупала!
Разрывают чёрные грибы
Небосвод над водами и сушею,
Чтобы завтра за рекою Зушею
Так же вскинуть землю на дыбы.
Чтоб такими ж вечерами дивными,
В темноте, опередив Луну,
Сбросить ту же бомбу в тишину
Где-нибудь над маленькими Ливнами.
Яблоко - тяжёл и грузен сад -
Упади - и тишина расколется,
А в саду, на брёвнах, у околицы

Старики, как двести лет назад.
Тут ли сидя, уходя из сада ли,
Об одном у них сегодня речь:
Сад растить и яблони беречь,
Чтоб одни плоды на землю падали.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

С ним я подружился знойным летом,
В дни, когда у деда был подпаском,
В дни, когда не думал быть поэтом,
Зная мир по бабушкиным сказкам.
- Здравствуйте! -
Негромким этим словом
Деда я приветствовал вначале.
Я его произносил коровам,
Но они, как дед, всегда молчали.
А когда я в луг шагал с обедом,
Кто-то крикнул мне в ответ:
- Здорово!
Я любил свой кнут, сплетённый дедом,
Но ещё сильнее - это слово.
Я любил сидеть с кнутом у вяза
Перед садом за селом заречным,
Повторяя за день по три раза
- Здравствуйте! -
Одним и тем же встречным.
Нравилось, как сумрачные лица
Озарялись весело при этом.
Разве мог тогда я не влюбиться
В слово, переполненное светом!
Как часто вижу её во сне я...
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не смог я с нею, -
Ушла, и назад не придёт,
Ушла...
Я делал всё, что она велела.
В такой овраг на лыжах летел,
Куда сам дьявол,
Взглянув несмело,
Пешком спуститься б не захотел.
А летом с удочкою с утра я
Часами просиживал у ручья.
И в каждой росинке
На разнотравье
Мы с ней отражались -
Она и я.
Со мной под грибными дождями мокла,
Стояла с рогаткою у плетня
И, целясь в птиц,
Попадала в стёкла,
Но не её ругали -
Меня.
Нередко учила с улыбкой счастливой,
Как в сад проходить
Через ход потайной.
Когда ж меня сторож "гладил" крапивой,
Стояла и плакала вместе со мной.
Меня познакомила с песнею звонкой,
С хорошею книгою и мечтой
И даже с девчонкой,
Даже с девчонкой,
Ничуть не ревнуя к девчонке той.
Мы думали думы одни и те же,
Влекли нас одни и те же пути.
Когда ж её слушаться стал я реже,
Она от меня

Решила уйти.
Как часто вижу её во сне я...
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не смог я с нею, -
Ушла навсегда моя юность...
Ушла...

* * *

Над кручей, в поле, с самого рассвета
В ряды густые собирал он лето:
Косил упрямо вику с ячменём.
А пот горел, с его плечей стекая,
И думалось, - была жара такая, -
Что даже кожа плавится на нём.
Он из кувшина воду пьёт под кручей,
Держа кувшин своей рукой могучей.
И так вода отменно хороша,
Что он забыл о ячмене и вике,
Как будто он не он, а Пётр Великий
Пьёт брагу из тяжёлого ковша.
С кем он сравнит себя ещё на свете?
Или, быть может, он в минуты эти,
Большой и сильный, на земле один?
А он всего лишь Петька, тихий малый,
По части девок даже не удалый,
Наш добрый Петька,
Степанидин сын.

* * *

Черёмуха,
Весенняя, зелёная,
В саду пожаром белым зажжена,
Горит-бушует...
Даже невлюблённые
Вздыхают - за душу берёт она.
Горит-бушует всполохами белыми,
Да так, что стало, кажется, светлей
Под ивами, спросонок оробелыми,
Под ровным строем
Тонких тополей.
К ней жмётся распутившаяся жимолость,
К ней тянется крушина от плетня.
Росою чистой
На рассвете вымылась,
Теперь спешит обсохнуть у огня.
Черёмуха...
С низовья ветер дунувший
Разжёт сильнее пожар - попробуй тронь.
Но подошёл к ней в синей майке юноша
И - обломал
И потушил огонь:
И вот теперь, беспомощная, робкая,
Она стоит, не мил ей майский сад.
Черёмуха...
Проходят люди тропкою
И на неё уж больше не глядят.
Когда плывут и тают песни зорьками,
Когда гармонь вздыхает над ручьём,
Как не заплакать ей Слезами горькими,
Прижавшись к тыну девичьим плечом.

* * *

Мать-земля,
Далеко-далече
Разметалась ты, горяча.
Я на плечи гляжу, а плечи

Цвета жжёного кирпича.
Наше солнце почти в зените.
Жарко так в середине дня, -
Даже тень моя,
Посмотрите,
Скрылась, сгорбившись,
Под меня.
Даже ветер, прогнавший тучи
За Оку, за луга, за лес,
От жары
Под лесную кручу,
Под корягу, видать, залез.
Даже птицы молчат,
Как тени:
Где их свадьбы, их песни, крик?
Знать, от жажды или от лени
Прикусили давно язык.
Ловят солнце в реке коровы,
Зной не могут они простить, -
Вышить реку с утра готовы,
Только солнце бы
Проглотить.
И пускай даже самый старый
Плечи дуб опустил, зачах, -
Солнце,
Бронзовый от загара,
Я несу
На своих плечах.

* * *

Опять в луга примчал меня состав,
И верю я: иного счастья нету,
Чем лечь на землю, руки распластав,
И обхватить зелёную планету.
И слушать, не дыша, как всё сильнее
По сказочным сплетениям корней,
Под буйным разноцветьем
Трав высоких
Струятся кверху
Медленные соки.
Как мать-земля, крута и солона,
Стремится жить
Такой земною жаждой,
Что дышит каждым камешком она,
Травинкой каждой и росинкой каждой.
И пусть гроза беснуется вдали,
А надо мной не молкнет птичье пенье,
Я слышу, как моё сердцебиенье
Вливается
В дыхание земли.

ЗЕМЛЯКАМ

Пусть от вас далеко я,
Но все думы мои
Там, за синей Окою,
Среди вашей семьи.
Край, где можно согреться
У озябшей ольхи,
Входит он в моё сердце,
А из сердца - в стихи.
Если что приукрашу,
Если что утаю,
Не вернуться мне в вашу
Дорогую семью.

* * *

Где б мы ни были, мы издали торопимся
В несказанные отцовские места,
Где свои нам перелески, рощи, тропы все
Где и сам ты свой для каждого куста.
Я уйду в поля с ребятами
Колхозными
Перепахивать ежастую стерню,
Чтобы завтра
Встали русыми колосьями
Капли пота, что в межу я оброню;
Чтобы завтра те колосья стали строками,
Чтоб в жар-птицу превратилось море ржи
С яро-солнечными крыльями широкими
Да с глазами-васильками
У межи.
Мать Орловщина, земля моя, кормилица,
Как же мне тебя такую не любить?
Ты родник, что вечно льётся
И не выльется,
Из которого мне долго
Песни пить.
Мать Орловщина,
Всегда ты сыну верила,
Только к матери ведут его следы:
Без тебя я, как без корня жизни - дерево,
Как в селе моём колодец без воды.

* * *

Шоссе блестит подковой в синеве,
К нему бежит, как ящерица, тропка:
То прячется, вильнув хвостом в траве,
То из травы выглядывает робко.
В ковёр цветастый лентой вплетена,
Скользит к реке, за лес, через отроги,
Извилиста, бугриста, но она
Ведёт к широкой и прямой дороге.

* * *

Нине

Наконец от тебя я дождался письма.
Пишешь ты:
"Я учусь на четыре и пять,
Но, браток дорогой, наступает зима,
А фуфайку носить предстоит мне опять.
Есть у Вальки пальто, есть у Вальки берет.
Мама всё для неё -
Ей вступать в комсомол.
Как же, Валька невеста - четырнадцать лет,
Ну а я разве нет?
Мне десятый пошёл".
Написала ты мне только несколько строк,
Но таких, что хожу и забыть не могу.
Вижу, как ты в фуфайке спешешь на урок
И не можешь быстрее,
Утопаешь в снегу.
В классе тихо садишься за спины подруг
(Невидимкой я рядом у двери стою).
Ты боишься, чтоб Анна Романовна вдруг
Не сказала тебе
Про фуфайку твою.
Ничего, ничего... Я спокоен и рад,
Что она, подойдя к тебе, спросит опять: Не болеет ли мама и пишет ли брат, -И забудет совсем
Про фуфайку сказать.
Ничего... Очень скоро наступит весна, Запестреют на месте сугробов цветы. Ты, сестра, не робей, а учись,
как она, И она ведь фуфайку носила, как ты.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДОСЛОВНОЙ
Поэма

*Ване, сыну моему, посвящаю
Если сокол надел
оперение взрослой птицы...
не даст гнезда своего в обиду.
"Слово о полку Игореве"*

Глава первая
И ТЫ, ОТЕЦ, МЕЧТАЛ ДОЖИТЬ ДО СТА

1

Гласит преданье, случаи нередки,
О том идёт молва из уст в уста,
В моём роду
Подолгу жили предки,
По сто годов
И даже больше ста.
Не верили -
Так отчий край был дорог, -
Что нужно уходить когда-нибудь...
Тебе ж, отец,
Тебе неполных сорок,
А ты уже собрался в дальний путь.
Не ты ли лошадь выпрягал под ярмом
И воз тащил со мною на возу:
Мол, ей ли с грузом выбраться,
Недаром
Я сам его едва-едва везу!
Но где же сила, где она, бывшая,
На кручу вывозившая возы?
Руке, что свесилась полуживая,
Поднять неумоготу
Моей слезы.
Не ты ли так умело и влюблённо
Столярничал, волшебнику под стать
Что, если б птицу вырезал из клёна,
Она могла бы
Песни петь, летать?
Но где же сердце, где же
Спозаранок
Пылавшее невидимым огнём?
Который день стамеска и рубанок,
Пылясь на верстаке,
Грустят о нём.
Не ты ли, захватив гармонь, как друга,
Будил игрой васюгинскую сонь,
И на пять вёрст
Влюблённая округа
Шла за тобой и пела под гармонь?
Но где же звуки, что из-под ладони
Крылато вырывались, как мечты?
Лежит гармонь,
Молчит душа гармони
И слушает, как тяжело дышишь ты.
Гласит преданье, случаи нередки,
О том идёт молва из уст в уста,
В моём роду
Подолгу жили предки,
И ты, отец, мечтал дожить
До ста.

2

- Вставай, Иван, -
Зовёт земля в дорогу. -
Ты что ж, Иван Гаврилович, притих?
Всего-всего в моих ладонях много,

И только не хватает
Рук твоих.
Взгляни вокруг -
Распахнут мир зелёный,
Где ты умел когда-то наяву
И дерево узнать по шуму кроны,
И различить по запаху траву;
Увидеть и услышать, как, живая,
Тянусь я каждой веточкой
В зенит,
Как дышат корни, камни пробивая,
И луч под солнцем
На ветру звенит...
Вставай, супруг, -
Вздыхает мать с тоскою, -
И вновь шути иль негодуй с людьми.
Вставай
И обними свою Прасковью,
Свою жену, и сына обними.
Открой глаза и улыбнись дочурке,
Что удивлённо смотрит на тебя,
Как будто ты
Играешь с нею в жмурки,
Ни жмурок, ни дочурки не любя.
А ты мечтал -
Такое время было! -
Чтобы, не зная никаких невзгод,
Я по ребёнку в год тебе дарила,
А если можно,
Сразу по два в год...
Вставай, отец, -
Глухая наша хата,
Осевшая под тяжестью войны,
Ждёт наших рук,
Ведь ты мечтал когда-то
Сменить хотя бы дверь да две стены.
Расправить ей пора седые плечи
И выше голову поднять пора.
Недаром с нами ожидают встречи
И твой и мой -
Два наших топора.
- Вставай, отец, -
Жужжат в деревне пилы,
И лишь твоя в их рое не слышна.
- Вставай,
Пшеница к окнам подступила
И, кланяясь, тебя зовёт она.
Зовёт земля и весело и строго
Того, кто мог работать за двоих.
Всего, всего в её ладонях много,
И только не хватает рук твоих.

3

Тревожную минуту за минутой
Часы отстукивали на стене.
Густыми суховеями продутый,
Лежал простор
В распахнутом окне.
Усталые колосья шелестели,
И синий ветер солнце пил взахлёб,
А на моих глазах с утра
В постели
Он умирал,
Солдат и хлебороб.
Казалось,
Прекрати вздыхать пшеница,

Захлопни ветер невзначай окно -
И сразу сердце
Перестанет биться,
И будет сразу глухо и темно.
Ещё совсем недавно, ночью длинной,
Нередко он рассказывать любил
О витязях,
О жизни их былинной,
Как будто с ними вместеел и пил.
И потому
Не тополя сутуло
И не бутры вставали чуть заря, -
Мне думалось:
Идут Вольга с Микулой
И подъезжают три богатыря.
Мне думалось:
Я даже слышу речи,
И снилось мне порою до зари:
Поднявшись,
Он выходит к ним навстречу,
Большой и сильный, как богатыри...
Купались в поднебесье над хлебами
Обрызганные солнцем ястреба.
Ещё вчера шершавыми губами
Он изредка шептал:
- Шумят хлеба...
Ещё вчера кивал он: будь спокоен
И сыном забывчивым расти.
Ещё вчера произносил Такое,
Чего не мог теперь произнести.
Моё лишь имя снова он и снова
Шептал в бреду и подойти просил.
Из тысяч слов
Единственное слово,
Которое сказать хватало сил.
Чтоб он уснул и в хате стало тише,
Часы остановились на стене.
И непонятно было:
Он ли дышит
Или хлеба
В распахнутом окне...

Глава вторая
ЗА ВСЁ, ЧЕМ ЖИЗНЬ ГОРЬКА И ВЕСЕЛА

1

Дышал июнь, рождался день воскресный.
Щедрело солнце,
Мир сверкал под ним,
И отчий дом, и луг, и лес окрестный -
Всё было несказанным и родным.
На сизых крыльях
Песня над июнем
Плыла, звеня то громче, то слабей.
А голуби качались в небе юном,
И небо становилось голубей.
С оружием верным, как солдат в секрете,
Встречал отец с рубанком выходной,
Ах, запахи...
Их тысячи на свете,
А он дышал бы стружкой одной!
Стоял над старым вязом,
Что нередко
За хатой открывался перед ним
Телегой, топорищем, табуреткой,
Доступными глазам его одним.
И думал: сможет ли открыть он сыну,

Чтоб сыну своему открыл я впредь,
Как нужно точно видеть сердцевину
И в корень безошибочно смотреть?
А пальцы в стружках озорных купались
Совсем, как люди в пенистой волне,
И каждый схожий
С корнем вяза палец
Биенье сердца чувствовал в бревне.
Мать подошла, ни слова не сказала
Отцу и мне - суровым мужикам,
И только робкая слеза сползала
По солнцу,
Прикипевшему к щекам.
Стояла, неизвестна, непонятна,
Ещё черноволоса и стройна,
И расправляла
Солнечные пятна
На трижды смятом фартуке:
- Война...
И если б вяз заговорил -
Не ново,
Отец не отшатнулся бы всерьёз,
Как от того замешенного слова
Из крови мужиков и бабьих слёз.
Дышал июнь, рождался день воскресный,
Один из многих неприметных дней,
Но отчий дом, и луг, и лес окрестный, -
Всё стало нам в тот день ещё родней.

2

Когда с утра отец, припав к рубанку,
Учил меня трудиться в тихий час,
Палил уже грабитель спозаранку
Из всех стволов,
Нацеленных на нас.
Глотали небо голубое пушки
И землю грызли у глухих застав,
Чтоб позабыл отец
Про запах стружки,
Рубанком вместе рухнув и не встав;
Чтоб не качалась на граблях травинка
И лето не качалось на граблях,
Как в сенокос,
Когда, шурша, тропинка
Из разнотравья мать вела на шлях;
Чтобы умытый стынь-росой медовой
Подсолнух, точно солнце, краснокож,
Не смог смеяться, рыжий и бедовый,
Над тем, что на него я так похож.
Ужель теперь
Не наливаются светом
Плодам налива белого в саду,
Пропахшим мятой и полынью летом,
Настоянном на радостном меду?
Ужель теперь
Огнём и чёрной гарью
Заполнит грабитель рощи все
И сгубит на корню иван-да-марью,
Бредущих вдоль опушки по росе?
Ужель теперь,
Свой новый день встречая,
Не загораться огоньком добра
Глазам подкошенного иван-чая
С анютиными глазками
С утра?
И сон-траве

Не спать с рассветной рани
С травкою-дрёмой в дружбе и родстве
На солнечной ладони,
На поляне,
Где спал Иван-Купала в сон-траве.
Ах, быть да небыль!
В пушках дальнотойных
Теперь заключена судьба твоя,
И он, грабитель,
Соловей-разбойник,
Вот-вот засвищет в роще у ручья.
Кому ж, отец, как не тебе,
Сурово,
Пусть ты не с Карачарова села,
Вставать Ильёю Муромцем
У кровя
За всё, чем жизнь горька и весела?!
Не ты ль с утра, отец, припав к рубанку,
Учил меня трудиться в тихий час,
А он палил, грабитель, спозаранку,
Едва-едва не задевая нас.

3

В лаптях ли рваных, вовсе ли босые,
О, сколько раз в крутые времена
Иваны шли
На зов святой России,
Когда звала на помощь их она!
Иваны шли
С тревогою народной
На тяжкий материнский зов "спаси!"
Руси голодной и Руси холодной,
А всё-таки
Своей, родной Руси.
В седую старину или недавно,
В полузабытый или зримый год,
Не их ли провожала Ярославна
От стен Путивля с Игорем в поход?
И не они ли на реке Каяле
Встречали гибель у курганов, ям,
А дома вдовы
Сыновей рожали,
Их имена давая сыновьям?
Росли Иваны,
И была наука:
Стать братом плугу, другом долоту,
А если надо, из тугого лука
Орла сражать по-русски,
На лету.
И тишина такая - цвет не падай,
С черёмух цвет на тропки не труси, -
На тропках мая Называли Ладой
Влюблённые друг друга на Руси.
Они росли, готовые при встрече
С врагом сразиться за родной очаг,
И поднимали Русь
На круты плечи,
И Русь мужала
На крутых плечах.
Не ведавшая мужества такого,
В которое не верилось самой,
Их провожала с поля Куликова
И с поля Бородинского
Домой.
А дома снова каждый был захаян,
Бредя за плугом в горе да в пыли,

Вчерашний воин,
Нынешний хозяин
Пустой сумы, Сумы, а не земли.
Казалось им,
Самим Христом завещан
На месяцы, на годы, на века
И бог и царь - воинственный помещик,
И жизнь, и смерть - помещичья рука.
И стал им мир босых, голодных тесен,
И поднялись их правнуки на бой,
Чтоб было вдоволь радости, и песен,
И хлеба, и земли в семье любой.
Так вот она, отец, -
Не сыщешь краше! -
Земля легла на тыщи вёрст вокруг.
Она — твоя, моя, его и - наша! -
Ждёт наших рук,
Больших и сильных рук.
Земля отцов!
Опять, как в дни былые,
Идут враги, огнём её губя.
Отец, отец, опять зовёт Россия,
Тебя зовёт,
Зовёт, отец, тебя!

Глава третья
Я СЛУШАЮ БИЕНЬЕ ДВУХ СЕРДЕЦ

1
Прислушайся -
Ни шёпота, ни речи,
И лишь одно биенье двух сердец.
Мечтали ль вы, отец, об этой встрече?
Вы в сорок третьем встретились, отец.
Сидел над Ильмень-озером в кручине
Не прежний добрый молодец Садко, -
Отец родной задумался о сыне,
Который - жив ли? -
Где-то далеко.
В снегу земля вздыхала, как живая,
А ты молчал, зарывшийся в снегу,
Глаз от Ловать-реки не отрывая,
Где стыл чужой солдат на берегу.
Где, трижды проклят,
Мёрз он в снежной яме
И злился, ежась: русская пурга...
Сумевшие б на свете жить друзьями,
Следили друг за другом два врага.
Над озером, у той лесной опушки,
Сжимала автомат твоя рука
Затем, чтоб завтра снова
Запах стружки
Тебе вдыхать с утра у верстака.
И он держал оружие наготове
И видел на Ловати Ганг и Нил, -
Уж очень запах человеческой крови
Его пьянил, который год пьянил.
О смерти ли ты думал, обо мне ли,
Но ты мечтал, вздыхая глубоко,
Чтоб ливенки
Над Ильменем звенели
И в Ливнах
Гусли пели о Садко.
И он мечтал, не ведая позора,
Что рос в его дому из рода в род,
Чтоб вдовий плач
Перепопнял озёра,

Озёра слёз неведомых сирот.
Пришёл ты к Ильмень-озеру для боя,
Чтоб сохранить былинку о Садко
И от огня меня прикрыть собою,
Меня, который где-то далеко.
Пришёл и он, и он пришёл для боя.
Пришёл, чтоб жечь и убивать, отец.
О, как различно! -
Между вами стоя,
Я слушаю биенье двух сердец.

2

В деревне ли, где печь весь день курится,
На площади ль Берлина самого,
Жила семья
Того солдата Фрица,
Что целился в Ивана моего.
Был мужем Фриц внимательным на деле,
И сыном, и отцом хорошим был.
Недаром
Не могла пройти неделя,
Чтобы посылку он послать забыл.
Из наших тихих русских деревенок
Он всё тащил, везя или неся.
У нас он даже взял
Последний веник,
О чём моя деревня знает вся.
Он спрятал бы в карман ручей мой рьяно
И сгрёб в охапку все мои лески,
Да жаль, такого
Не было кармана,
Да жаль ещё,
Что руки коротки.
Наверно, где-то примеряла платье
Его жена, молчание храня,
Такое ж, может быть,
В котором мать я
Встречал на дне рожденья у меня.
Жена не шла похвастаться к подругам,
Над новым платьем думала жена:
Зачем на локте
Чёрным полукругом
Какая-то дыра окружена?..
Наверно, сын смеялся бестолково,
Чужой картуз напялив на глаза,
А здесь у нас,
У парня у такого
Ещё в глазах не высохла слеза.
Смеялся сын фашиста... Неужели
Он вырастет, не уронив слезы,
И где-нибудь в дожди или в метели
Пойдёт срывать чужие картузы?
Одна семья
Ждала посылку в сроки,
Другая -
Долгожданного письма,
Где были хлебом и одеждой строки
И всем, о чём не думала сама.
Всё заживёт, но никуда не скрывается
От сердца и от памяти его:
Мне в жизни не забыть
Солдата Фрица,
Что целился
В Ивана моего.

3

Метель плясала в мартовском ознобе
И задышалась в гари и в дыму.
Откинувшись,
Отец лежал в сугробе,
И было жарко на снегу ему.
Какой же снег на Ильмене горячий! -
Горит спина, горят спинам грудь,
А ты глухой,
А ты совсем незрячий,
А ты рукой не в силах шевельнуть.
Но приподняться б хоть на локоть надо, -
Кому ж в пути охота отставать, -
Гремела, продолжалась канонада, -
И шли друзья вперёд Через Ловать...
А где-то утром продували стёкла
И ждали, глядя в хмурое окно,
Твоё письмо,
Которое размокло,
Которое прочесть не суждено.
С тобой с утра я,
Раскурился поленья,
Мечтал о встрече - к маю ли, к зиме ль,
Или сейчас -
По шучьему веленью,
Хотя б ты был за тридевять земель.
Пусть нелегко нам -
Тяжки дни разбоя -
И нет сапог и пиджаков твоих, -
Фуфайкой мы поделимся с тобою,
Она у нас пока что
На двоих.
Пусть мы не знаем хлеба -
Будь спокоен
И приходи скорей к своим дверям:
Мать из картошки делает Такое,
Чего не снилось в жизни и царям.
О, наша мать!
Она святая словно:
В неё стреляли дважды, но - жива!
Смотри,
Она обтёсывает брёвна,
А кажется, что вяжет кружева.
Как будто нитку тянет сквозь иголку,
Впрягает в сани Грузного вола,
Чтоб пропадать в седых полях подолгу.
Где все пути метель перемела.
А синими густыми вечерами,
Когда над хатой отгорит закат,
Она подходит, медленная, к раме,
Где ты
В лихой косоворотке снят.
И, позабыв о хлебе и о чае,
Она глядит, глядит тебе в глаза,
Глядит тебе в глаза,
Не замечая,
Как по её щеке ползёт слеза...

Глава четвёртая
НЕ НА ВОЙНЕ, ПОЗДНЕЙ, - ПРИДЯ С ВОЙНЫ

1

Фуфайка хлебороба...
В ней когда-то,
Сжав кулаки, отец покинул дом.
А возвратясь,
Принёс шинель солдата,
Что на худых плечах держал с трудом.

Весь день встречал знакомых он и близких,
С тем потолкуй, тому письмо прочти,
И видел: стало вдвое меньше Блынских,
А их - деревня вся была почти.
Беседуя о друге ли, о брате,
Вдову ли, сироту не узнавал.
Недаром письмоносец
В каждой хате
С бумагой похоронной побывал.
Шутили горько, что живём богато,
Что есть телега, правда, без колёс,
Что, мол, на две семьи
Одна лопата,
А два вола худых
На весь колхоз.
Когда же вечер наступил,
Когда же
Над пузырьком-коптилкой вспыхнул свет,
Глядел он, как чернилами из сажи
Писал я на тетрадке из газет.
А утром шёл он медленно деревней,
Где вдоль дорог репейник да пырей,
И становился взгляд его
То гневней,
То, непонятно почему,
Добрей.
Ещё видны горбатые руины,
И пни недогоревшие видны,
И неподвижны
Каменные спины,
На чём стояли хаты до войны.
И гнев и боль в груди невозможая,
Нашёл работу
(Хворый, но — дела),
А там уже давно ждала другая,
И третья, и четвёртая ждала.
Нельзя хворать, когда друзья на фронте
Когда им смерть глядит в глаза в упор.
О, не жалейте вы его, не троньте, -
Он, зубы сжав, Берётся за топор.
Стоял в лесу ли где-то на опушке,
Шагал ли по полям издалека,
Он всюду слышал,
Слышал запах стружки,
Как прежде у родного верстака.
Вдове починит хилую землянку,
Для скотного двора сплетёт плетень...
И, вставшему с постели
Спозаранку,
Покажется ему коротким день.
А сил всё меньше,
Рана, как живая,
Труда лишала и лишала сна,
А он шутил, а он сиял, кивая
На новые дома
Из самана...
А сил в обрез.
Не я ль слышал когда-то,
Что, мол, встречать солдата выходи.
Одна шинель осталась от солдата,
Заштопанная кем-то на груди.

2

Все дни лежал -
Ни слова, ни полслова,
И, в памяти былое вороша,

Порой вздыхал: вернуть бы силы снова,
Душа, и та - не прежняя душа.
А мать шутила и смеялась чаще:
Какой ни есть,
А свой в дому мужик.
И щи казались из крапивы слаще,
И чуни крепче башмаков чужих.
А ночью тёмной, бессловесной ночью
Под шелест изуродованных лип
Не в сновиденьях слышал я -
Воочью
Глухой и робкий материнский всхлип.
Ах, дети, дети!
Утренние зори,
Далёкая и близкая мечта.
Три счастья верных и три слёзных горя,
Три сердца щедрых и три жадных рта.
Ах, дети, дети...
Незаживной раной
Болело сердце матери не раз,
Коль безотцовщиною голодраной
Иная тётка называла нас.
Но время шло.
С косою, беспокоясь,
В луга спешила мать на птичий гам,
И травы, поклонившись низко в пояс,
Ложились не спеша к её ногам.
А в жатву,
В пору знойного накала,
Из света будто вылита сама,
Не хлеб, а солнце буйное черпала
И солнцем наполняла закрома.
А ночью лунной, говорливой ночью
Перед окном, у тех обросших лип,
Не в сновиденьях слышал я -
Воочью
Давно знакомый материнский всхлип...
Лежит он в хате, ничего не слыша
И ничего не видя, в тишине,
И непонятно было:
Он ли дышит
Или хлеба
В распахнутом окне...

3

Перед большой страдой в густом июле,
Среди пропахшей сеном тишины
Отец мой умер от давнишней пули
Не на войне,
Поздней, -
Придя с войны.
А жизнь идёт
Навстречу добрым вёснам.
И у неё ни края, ни конца.
И стал давно мальчишка парнем взрослым,
Во всём, как есть,
Похожим на отца.
А жизнь идёт.
У самой нашей крыши,
Пробившись из обугленного пня,
Побеги поднимаются всё выше,
Как языки зелёного огня.
А жизнь идёт.
И школьники уносят
Из дальней школы книги о войне.
И галстуки горят, вплетаясь в осень,

И осень ярче кажется вдвойне.
А жизнь идёт.
Жужжат в округе пилы,
И я спешу с друзьями на леса.
И подпирают гулкие стропилы
Январские седые небеса.
А жизнь идёт.
Где пахло пеплом, гарью,
Затягивает солнце раны все.
И вижу я опять иван-да-марью,
Бредущих вдоль опушки по росе.
Земля моя!
Я очень мирный с виду,
В душе я тоже мирный в тихий час,
Но в час, когда я чувствую обиду,
Тяжёл кулак мой и надёжен глаз.
Земля моя!
Как никогда, ещё ты
Узнаешь силу нашенских сердец.
Мы всё учили: победы и просчёты,
И жизнь, и смерть таких, как мой отец.
Перед большой страдой в густом июле,
Среди пропахшей сеном тишины
Он умер в хате, в жаркий день,
От пули
Не на войне,
Поздней, -
Придя с войны.

Глава пятая

ИВАНОМ СТАЛО БОЛЬШЕ НА ЗЕМЛЕ

1

Проснись, отец, -
О, как бы ты гордился! -
Чей детский плач услышал бы - спроси:
Твой внук, мой сын, мой первый сын родился!
Иваном стало больше на Руси!
Взглянул бы ты,
Какое солнце светит,
И светится над сыном вся родня:
Я стал отцом!
Я за него в ответе,
Как ты, отец, когда-то за меня.
Прости-прощай, -
Вовек не будет встречи,
Твой холм сиренью буйною зарос,
И внуку не влезать к тебе на плечи
И не касаться дедовских волос.
И не тебе, а мне
На сеновале
Рассказывать придётся до зари,
Как звёзды в поднебесье оживали,
Когда касались их богатыри.
Смогу ли я открыть, поведать сыну,
Чтоб сыну своему открыл он впредь,
Как нужно точно видеть
Сердцевину
И в корень
Безошибочно смотреть?
Покуда я куплю ему игрушки,
Чтоб через годы, через много лет
Всё полюбил он -
От шуршанья стружки
До грохота космических ракет.
Лежит он тихо в маленькой кровати,
Ещё не понимая ничего,

Ещё сосной растут
Его тетрадки
И пишутся учебники его.
Ещё не знает он, что целый день я
Живу лишь только им, лишь им одним,
И что жена
Со дня его рожденья
Без устали склоняется над ним.
Отец, ты жив!
Я только жизнь приемлю,
Кому ж охота быть в крошечной мгле?!
Твой внук, мой сын, пришёл на нашу землю:
Иваном стало больше на земле!

2

Зовут, мигая, звёзды в небе синем,
И криком сын зовёт встречать зарю.
Жена опять склоняется
Над сыном,
А я стою и с нею говорю.
О будущем.
Орёл расправит крылья
И улетит, набравшись сил едва.
Пылится сын дорожной крепкой пылью,
А у тебя белеет голова.
Идёт ли он в полях среди пшеницы,
В горах бредёт ли с тишиной вдвоём,
Его дорога каждая ложится
Морщинкой новой
На лице твоём.
Спешит он под дождями проливными,
А ты вздыхай и возвращенья жди:
Слезам материнскими твоими
Становятся Сыновние дожди.
А если даль опять жарой вздыхает,
Ему в лицо седую пыль клубя,
Твои глаза,
Твой рот пересыхают
И трескаются губы у тебя.
Но если повстречала где-то буря
И повернуть назад ему орёт,
Он вспомнит мать,
Глаза от ветра щуря,
И двинется уверенней вперёд.
Ты всякий день в заботах и тревогах,
Как будто он ушёл в последний раз...
Жена и мать,
Он нужен на дорогах
Не меньше, чем под крышею для нас.
Покуда ты склоняешься над сыном,
Я, размечтавшись,
Тихо говорю.
Зовут, мигая, звёзды в небе синем,
И криком сын зовёт встречать зарю.

3

Я беспокоюсь об Иване,
Словно
Он за рулём сидит или в седле,
Или идёт,
С землёю связан кровно,
Уверенно ступая по земле.
Кем будет сын мой,
Кем он станет завтра?
Ещё когда не начинал он жить,
Уже смогли четыре космонавта

С Земли дорогу к звёздам проложить.
Мечта легенды гордые рождала,
Стремилась люди в голубую высь,
И славил Икара и Дедала,
Что, сделав крылья,
К солнцу поднялись.
Пусть люди правды не видали в этом, -
Расскажет всякий, только попроси,
Как, оседлав Луну,
Над белым светом
Летал Иван -
Крестьянский сын Руси.
Как звёзды он снимал с крутого неба,
За пазуху их прятал, сколько мог,
Где до поры хранил
Краюху хлеба
Да с солью материнский узелок.
Мне кажется -
И нет предела веры, -
Что говорит со мною мальчик мой:
По Млечному Пути лечу с Венеры,
Спешу, отец, из космоса домой.
Из края в край огромная Россия
Площадкою посадочной легла,
А я пою, любуясь, как впервые,
Тем, что Земля
Действительно кругла.
Что день давно в Москве, закат в Париже,
В Нью-Йорке ночь, а в Дели ранний час.
И облака внизу, А ниже,
Ниже -
Миллионы глаз, больших и добрых глаз..."
И всё равно,
Как мой отец когда-то,
Из глаз не упуская ничего,
Я вижу взгляд подростка солдата,
Что целится в Ивана моего.
Под звёздами в лугу, под крышей в хате,
Когда усталость подползёт к плечам,
Горячий снег
На той реке Ловати
Мне часто-часто снится по ночам...
Расти, мой сын!
Я очень мирный с виду,
В душе я тоже мирный в тихий час,
Но в час, когда я чувствую обиду,
Тяжёл кулак мой и надёжен глаз.
Встань во весь рост нежданно-негаданно
И Русь люби, и радость ей неси:
Как нет Руси на свете
Без Ивана,
Так нет Ивану жизни
Без Руси.
Я говорю порой о сыне,
Словно
Он мчится в межпланетном корабле,
И вижу продолженье
Родословной
И утвержденье
Жизни на Земле.